

Василий Блажевич

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ
ТОКСИКОМЕНЕ

супергероический трэш-эпос

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Василий Блажевич

**Повесть о настоящем
токсикомене.**

Супергероический трэш-эпос

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Блажевич В.

Повесть о настоящем токсикомене. Супергероический трэш-эпос /
В. Блажевич — «ЛитРес: Самиздат», 2007

У Нахима Павлова, родившегося и выросшего в городе химиков, то есть – химикатов, открылись сверхспособности, которые ярко проявились во время его службы на Кавказе в девяностые годы. Однако этот молодой суперчеловек, имеющий не самый умный мозг (как он сам говорит о себе), в результате применения им своих весьма необычных сверхспособностей попадает только в неприятности, которые можно было бы назвать комичными, если б они не происходили во время войны на Кавказе...Содержит нецензурную брань.

Я родился в маленьком городке прямо на рабочем месте моей матушки. Чего-то припозднилась она с декретным отпуском, вернее – вообще не брала его.

Моя мать была крупной толстушкой – веселушкой и, как ни странно, не знала о своей беременности. Да-да... И вот так бывает...

– Ой, – сказала она, когда оперативная бригада врачей, прибывшая на завод, выяснила, что у женщины не приступ аппендицита, а начались родовые схватки и отошли воды.

Ни задержка месячных более чем на полгода, ни изменения в гастрономических пристрастиях, ничто не вызвало у нее вопросов и не побудило обратиться в поликлинику, в женскую консультацию или ещё куда, куда обращаются в таких случаях женщины. Наверное, мама была еще и глупа.

Впрочем, в нашем городке умных нет.

Они, конечно, когда-то были, но все поумирали или сбежали... А что вы хотите? Три химических комбината на один не самый крупный в области населенный (пока еще) пункт. Да и зарплата, не смотря на вредность, едва дотягивает до среднестатистической. Такие вот дела...

Но, несмотря ни на что, наш город жил, город жив, город будет жить! Потому что государству нашему и человечеству в целом, нужна (пока ещё) химическая промышленность или вернее – всё что она производит, то есть – дает людям!

Со всех концов страны сюда, в город химиков... то есть – химикатов идут эшелоны с сырьем. Текут по трубопроводам и газопроводам, как по артериям и венам, нефть и пропан. Гудит по проводам, как по нервам, мегаватный электрический ток. Комбинаты поглощают и переваривают нескончаемый поток природных ресурсов, превращая их в удобрения и ядохимикаты, в моющие средства и взрывчатку, в топливо и отходы... отходы... отходы. Да, в отходы! В бесконечные отходы производства.

Тучи плотного дыма, извергаемые этими тремя заводами, что похожи на три головы великого Змея Горыныча, плотно охраняют наш населенный (пока еще) пункт от голубого неба и яркого солнца.

Ха, помню, выехав в первый раз, за пределы малой Родины, я долго не мог привыкнуть к ослепительному солнечному свету и постоянно щурился, одновременно удивляясь незнакомому цвету небес. Да уж... Забавно...

Сброс в реку, легкомысленно протекающую мимо нашего городка, всего, что не смогла современная промышленность превратить в полезное или ужасно вредное для человекообразных существ, изменяет до неузнаваемости виды-подвиды обитателей среды изначально называвшейся водой. Это, конечно же, безусловно, поможет безумным генетикам, пока еще не добравшимся до нашего городка, двигануть когда-нибудь свою науку вперед.

Мы, кстати сказать, не брезгуем употреблять в пищу выловленную в нашей реке рыбу, или раков... или ракорыбов, каждый раз, от души смеясь над многообразием форм всего живого на Земле, вернее – в воде... вернее – в как бы в воде...

Более того, горожане имеют, возможность выбирать то существо, которое лучше всего соответствует эстетическому вкусу того или иного покупателя! Правда, вкус предпочтенного чуда-юда, в смысле – пищи, не всегда бывает такой же ожидаемый и веселый, как внешний облик купленного деликатеса-мутанта. Но это уж как кому повезет...

Впрочем, я отвлекся.

Так вот, родиться мне пришлось на заводе, в цеху двойного суперфосфата или триполифосфата, уж точно и не знаю. Кстати, не в самом вредном цеху, если считать и другие химкомбинаты нашего милого городка.

Что же дальше? Дальше, как легендарный Тиль Улиншпигель, я трижды крестился.

Сначала, пытаясь обмыть мое новорожденное кричащее и сморщенное тельце, один из радостных рабочих, на вопрос врача: «Есть у вас тут горячая вода?», вместо ответа принес

и плеснул на меня обжигающий, ржавого цвета, кипяток (другая вода в трубах на заводе не текла).

Потом, по пути в реанимацию, машина – карета скорой помощи, избегая столкновения с потерявшим управление грузовиком, рухнула в зловонный ручей, по которому в нашу местную реку, как я уже говорил, неслись со всех химических производств сточные воды. Врач и медсестра, надыхавшись ядовитыми испарениями, отравились и скончались на следующий день в районной больнице при ужасных мученьях. Моя бедная матушка, которая тоже находилась в машине, к сожалению, не умела плавать и утонула. Поскольку она не была замужем и не успела, в силу сложившихся обстоятельств, сообщить, кто же являлся моим папашей, я стал сиротой.

Д-а-а...

Но зато я выжил! Не утонул. Меня самоотверженно выловил водитель скорой помощи! Таким образом, и состоялось моё второе крещение – купание в отработанных химреактивах, в «речке-говнотечке», как ласково ее называли люди в наших краях. Шофер перевернувшегося медицинского автомобиля, вылез с младенцем (со мною) на дорогу и, словно лунатик в бреду, как сомнамбула, пугая редких чахлах прохожих безумным видом своим, нёс меня на руках по знакомому ему маршруту в приемный покой.

И тут небеса разверзлись, сверкнула молния, забарабанил шаманским бубном гром, и из туч полился токсичный кислотный дождь, обычное явление в наших краях.

Так я был крещен в третий раз...

В детском доме, как и полагается городу гигантов химической промышленности, мне присвоили соответствующее гордое имя: Нахим. Со скрытым смыслом: рожденный НА ХИМ-производстве. До сих пор не могу понять всерьез или в шутку они меня так называли... Ну, а фамилию... фамилию оставили мамину...

Правда, уже там, в детстве, в яслях, детсаде и в школе все путали мою простую фамилию и сложное имя, к чему я привык и не обижался. Чаще всего называли меня Павлом Нахимовым, а не Павловым Нахимом, как следовало из документов.

В районном детдоме прошло всё моё сиротское отрочество. Я рос, играл и шалил как все мои сверстники вокруг. Учился, питался и воспитывался как все. Гулял в парке, огороженном железным забором с колючей проволокой по периметру, называемым детской площадкой... как все. Бегал и прыгал по свежеснеговому снегу, который, попадая на землю нашего города химиков... то есть – химикатов, становился похожим на бескрайнюю яичницу глазунью, также шкварчал и кое-где вздувался желтообразными пузырями... Впрочем, скакал я и кидался снежками, как все... Как все ел кашу, сваренную на молоке коров, пасущихся на лугу в центре треугольника, образованного градообразующими производствами. Пил это молоко кипяченым перед сном, так же... как все.

Кстати сказать, то же самое молоко давали за вредность и всем работникам этих производств. Возможно, его попивала и моя покойная матушка во время своей беременности мной. Иначе как объяснить, почему мне безумно нравилось любое блюдо, содержащее хотя бы грамм этих замечательных естественных выделений наших городских коров?... «Далеко, далеко под трубой пасется кто?..» – моя любимая детсадовская загадка.

Одним словом – я рос сиротой, но не был брошен дорогим государством и милым сердцу, родным городом химикатов... то есть – химиков. Рос среди себе подобных, таких же безотцовщин и безматерщин. Ничем особо ни от кого не отличался. Был как все... Во всяком случае, внешне... во всяком случае, в нашем городке...

Однако наконец-то, я вырос. Пришло время идти служить в армию. И я пошел. Меня отправили в горячую точку. И я поехал. Тем более что слабо представлял себе тогда, что это такое – Горячая точка!..

А было это так:

Курс молодого бойца я, с похожими на меня и на всех вокруг, с такими же юными лысенькими воинами могучей и непобедимой русской армии, прошел «на раз-два».

Раз-два в день мы тренировались в мытье полов и чистке зубными щетками унитаза – Раз-два!

Раз-два в ночь подставляли свои задницы под, припечатывающие пряжкой, ремни старослужащих, прозываемых в части почему-то «дедами» – Раз-два!

Раз или два нас даже вывозили стрелять из настоящего боевого оружия – Раз-два!

Но более всего нас учили самому необходимому в бою: тянуть ногу в марше – Раз-два, раз-два...

Прошло несколько месяцев... два... и как-то раз наше подразделение, состоящее из не совсем уже молодых бойцов могучей и непобедимой русской армии, собрали на плацу. Высокий офицер нас весело спросил: «Кто любит погорячее?».

Что он имел в виду? Был такой фильм с прекрасной Мерлин Монро. Мерлин Монро мне нравилась с детства. А еще мне всегда нравились напитки и еда, нагретые чуть ли не до состояния кипения. Ну а если речь идет о географии места прохождения службы, то, подумав я, мерзнуть за полярным кругом – удовольствия мало... и вышел из строя...

Как я и предполагал, «горячей точкой» называлось почти курортное место. В каком-то старом фильме его один смешной артист называл «...и житницей и здравницей» нашей огромной страны... Так что мой, пусть и не очень умный, ум быстро сообразил: кроме обучения военному делу попутно мне, рожденному и выросшему в городе химзачисток... то есть – химиков-химикатов, предоставляется шанс, как следует поправить свое здоровье, чему, конечно же, я несказанно обрадовался.

Итак, моя срочная служба теперь должна была протекать под сенью Кавказских гор!

Последовавшие вслед за передислокацией нашей части первые несколько месяцев я описывать не хочу... не хочу...

Нет-нет! И не уговаривайте...

Не хочу...

Мой не самый умный ум плохо справляется до сих пор с переобработыванием, полученных за столь незначительный, срок знаний и жизненно необходимых навыков, которые трудно применять в мирное время... на гражданке... Да и рассказ мой собственно не об этом... не о ней... о них... не о них – армии и войне, то есть...

Повествование моё совсем про другое!

Итак...

Служат-воюют, то есть служат на войне в мирное время, обычно, как известно, солдаты, да незначительные офицеры-герои (или офицеры-разгильдяи). Те из командного состава, кто поумнее, или попроворнее обычно служат-бытуют где-нибудь во глубинке нашей неоглядной, бесконечной Родины, редко выезжая в действующую армию из безопасных казарм и кабинетов. Оно и понятно – опасные приказы надо отдавать с безопасного расстояния, а иначе и командовать некому будет. Это даже я, человек, имеющий в своем арсенале весьма скромный (в смысле – не-великий) ум и то понимаю что к чему!

Но, как выяснилось, в горячие точки направляют не только бесправный рядовой состав и провинившийся рядовой. В зоны локальных конфликтов едут и те, кто эти локальные конфликты организовал. Раздувал, так сказать, пожарики.

Еще в дошкольном возрасте нам перед сном нянечка читала книжку про добрый и злой огонь. Поэтому мне было понятно, почему некоторые генералы некогда, иногда служили на Кавказе или приезжали туда из столицы с инспекцией. Ибо нужно отслеживать да контролировать тление и горение – иначе оно вместо пользы принесет убытки! Правильно? Правильно.

Мне во время моей службы в рядах могучей и непобедимой русской армии довелось встретиться и почти спасти от смерти очень главного военачальника. Про это собственно и мой рассказ, и вы уж извините, что так долго я к нему подбирался.

Вот как это было:

В тот день мы играли в «войнушку». В смысле – учились бегать по горам и стрелять во что попало из автоматов. Посмотреть – полюбоваться на это восхитительное милитари-шоу и спешил сей важный военный чин.

Но до нашего полевого лагеря он добрался уже в лежачем положении на половину живой, весь израненный, как генералы отечественных войн.

А произошло следующее: на его кортеж, пробирающийся к нам по горной дороге, было совершено коварное нападение. Состоялся недолгий бой и, геройски подорвавшегося на вражеском фугасе, несостоявшегося наблюдателя из генштаба или еще откуда, привезли к нам, ведь мы дислоцировались совсем рядом от произошедшего инцидента...

Меня внезапно вызвали в штаб. Я, как и полагается знающему службу (всё-таки уже не первый месяц в армии), не спеша, вразвалочку поплелся туда, куда меня послали. Я почти всегда так поступал, когда точно знал, где находится указанный пункт назначения, то есть – посылания. Но к моему удивлению меня оттуда быстро, просто срочно, просто бегом, просто пинками, направили в госпиталь. «Странно», – подумал я, но, пожав плечами последовал собственнo именно туда, куда меня послали...

И вот моя срочнослужащая персoна появилась в госпитале, со слегка озадаченным видом.

Зачем это я понадобился врачам? Если помогать грузить раненых или трупы, то почему вызвали меня одного и к чему такая срочность? А если... А что если? Что ещё? Другие версии мне из-за моего прирожденного скудоумия на мой этот скудный ум не приходили (ведь я говорил, что в нашем городе, откуда я родом, умных нет).

Я вошел в медсанчасть и представился, в смысле – громко гаркнул, что Нахим Павлов по непонятному приказанию прибыл!

– Какая у вас группа крови? – спросил, озабоченно врач.

– Какая, какая... Четвертая, – растерянно проворчал я.

– А резус? – продолжали допытываться марлевая повязка и очки над ней.

– Чо?

– Резус? Резус, говорю, у Вас какой? Положительный или отрицательный?

– А-а, – обрадовался я, поняв, чего он добивается. – Положительный.

– Слава Богу! – воскликнул хирург. – Генерал спасен! У Вас такая же, как и у него, редкая группа крови.

– Быстро его в операционную, – приказал он расторопным ассистентам и ассистенткам.

Меня уложили на койку. Рядом, забинтованный с ног до головы, будто египетская мумия, боролся молча за жизнь тот самый геройски подорвавшийся на вражеском фугасе важный военачальник. Суетились вокруг люди в светлых одинаковых халатах, масках и шапочках. Периодически озабоченные голоса в разной тональности с выражением глубокой озабоченности выкрикивали одно и тоже слово: «Быстро!», «Быстро-быстро...», «Ёббы-сро!!!», «БЫ-ЫСТРО-О!!!».

Расторопная медсестра воткнула в мою вену иглу и по прозрачной пластиковой трубке принадлежащая еще недавно мне темно-алая блестящая кровь потекла к какому-то мудреному аппарату, а от него, по такой же трубке, в организм генерала.

Я расслабленно заулыбался. До меня дошло, что мне, как донору такого нужного армии и государству человека, будет положено, а значит и будет положено, дополнительное высококалорийное питание.

Поестъ я любил. Правда, иногда со мной после плотных необдуманных обедов случались пикантные, неприятные для окружающих казусы. Но к восемнадцати годкам я научился определять состав и дозировку безопасных блюд. На службе, правда, с этим было посложнее, однако, и к армейскому пайку мой желудок привык, а, соблюдая выборочность в еде и поспешность в отправлении естественных надобностей, мне окончательно удавалось скрыть от окружающих свои проблемы с пищеварением.

Вот так я и лежал на койке в больничной палате и мечтал о котлетах. Сочных, свежепожаренных котлетах...

Вдруг, в полутемнине больничного покоя раздался пронзительный звонок. Он исходил из прибора с разноцветными лампочками и кнопками, от которого тянулись завитушки проводов к укутанному в перевязочный материал, разжигателю, исполнителю и жертве локального конфликта. На осциллографе, идущий от сердца израненного командира дивизии, или соединения, или какой-нибудь объединенной группировки (кто его знает?), графикообразный импульс вдруг бешено запрыгал вверх – вниз, не в силах успокоиться. Из-под бинтов, из того места, где должно было находиться ротовое отверстие, раздался протяжный звук, напоминающий гудок тепловоза. Взвилось над полевым госпиталем и гулко отозвалось лавиной в горах, слово похожее на французское «Бу-а-ля!» и одновременно на немецкое «Фо-я!». Забегал по помещению операционной медперсонал. Все кричали и перебивали друг друга:

- Что случилось?!!
- Где Танечка?!
- Дайте!..
- Принесите!..
- Генерала теряем!!!
- Быстро! Быстро-быстро!
- Почему не провели анализ его крови?!
- Куда несешь?!
- Да-пАдайте-же!..
- Когда его проводить-то было!..
- Сергей Анатольевич! Генерал! Вы меня слышите?!
- Что с прибором?!
- Кто приказа...
- Почему не провели анализ его крови?!
- С кем приходится работать!..
- Так ведь в его медкарте было написано...
- Что делать?!
- Кто виноват?!

Если просто сказать, что генерал умер, значит не сказать главного. Он не просто умер... Он вскипел! Растворился! Сварился! Стёк с костей!

Медсестричка подбежала к нему, выдернула из бурлящей кожи иглу. Красная капля блеснула на острие и растворилась фиолетовым туманом в воздухе. Несчастливая девушка вдохнула этот дымок сквозь ткань маски и рухнула на пол.

У нас-то в городском пункте приема анализов, в лаборатории, никто без противогазов не работал. Так и то иногда с сотрудниками случались отключения центральной нервной системы...

Вот, помню, перед отправкой в армию у меня брали кровь. Лаборантка протестировала её и молвила сквозь резину противогаза:

– Пжсттчетвертая... пжлр... пжлыудивжитттельно...

Я и понял: Что четвертая, положительно!

После проведенного тогда анализа, женщина тоже упала в обморок, но противогаз не сняла. А я забрал бумаги и пошел дальше по врачам медкомиссии. И когда кто-нибудь спрашивал, какой группы у меня кровь – уверенно заявлял: «Четвертая, положительно».

Мне всегда говорили, что это редкая группа, поэтому сейчас, когда меня вызвали в медсанчасть, я очень обрадовался возможности помочь собрату по крови.

Ну а теперь?.. Ну а теперь, конечно же, немного раздосадовался – у моего предполагаемого однокровника, как выясняется, в жилах текло нечто другое, не то, что в моих... Мда-а-а...

А суета и крики вокруг продолжались. Причем, возникало ощущение, что и обо мне, и о генерале все забыли. Однако каждый находящийся в палате изображал авральную деятельность и собственную незаменимость...

В это время завизжал и сломался аппарат, в который поступала моя кровушка. На всякий случай, чтобы не получить никакой заразы, я вытащил иголку из своей вены.

– Дайте, пожалуйста, ватку, – попросил я бегающих вокруг однообразно стерильных медицинских работников. Они толкались, толкая меня и себя, и всех, и никто не обратил на мою реплику никакого внимания.

Тут окончательно развалился подозрительный механизм с резервуаром, наполненным моей кровью. Она стала испаряться. По медсанчасти распространился сиреневый туман. Люди начали падать, опрокидывая контейнеры с инструментами, рассыпая лекарства, переворачивая столы, ломая приборы и свои неосторожные кости. Я понял, что помощи от них ждать не приходится и, оторвав у генерала кусочек, теперь для него бесполезного, бинта, заткнул им ранку и вышел наружу.

Но и за пределами госпиталя спокойствия не наблюдалось. Торопились куда-то военнотруженики с оружием в руках. Летали, разрезая длинными лопастями воздух, вертолеты. Надрывно ревели, передвигаясь по грунтовой дороге машины одетые в броню или брезент.

– Нахимов! – окликнул меня взводный. – Ты уже освободился? А ну давай сюда.

Через две минуты, сжимая в руках верный автомат, я сидел в кузове грузовика, на борту которого значилась спорная надпись: «люди». Поднимая тучи пыли, машины медленно двигались по горной дороге, которую скорее можно было назвать тропой.

Мы прочесывали-зачесывали, то есть – зачищали, маленькое поселение в горах на предмет нахождения в нем врагов государства. Все развивалось спокойно, по заранее, на учениях отработанному плану. Никого и ничего особенного нам обнаружить не удалось. Так... расстреляли для отчетности, явно не успевших уйти к своим, двух бородачей подозрительно среднего возраста. И всё. Время было обеденное. Все устали. Командир приказал привалиться и подкрепиться. Мы быстренько распаковали сухие пайки и, запивая кто – чем из фляжек, уничтожали галеты с консервами.

Призванный из одного со мной города, но на полгода раньше, мой друг и земляк Валя Кришнов, прикончив скудный обед, с пристрастием допрашивал пожилых аксакалов, в прошлом ударников коммунистического труда, о наличии у них в домах психотропных веществ.

Я по-доброму завидовал ему. Помню, когда мои сверстники начали взростать, почти все пробовали на своих органах дыхания и пищеварения магическое действие токсичных веществ. Бывало по вечерам, мои приятели, напомнимания сборище подростков, имеющих неизлечимые патологии опорнодвигательного и вестибулярного аппаратов, размашисто передвигались по детской площадке, надев на головы полиэтиленовые мешки с клеем, и радовались сказочно изменившемуся, расцветшему городу химиков... то есть химикатов. Мне же, как я ни старался,

не удавалось получить даже чуточку того кайфа, что испытывали они. Возможно, все дело в истории моего рождения и «крещения»... Как знать, как знать...

Печально, но мой мозг почти не воспринимал допинг. Правда, по настоянию окружающих мне, повзрослевшему, иногда приходилось пить спиртное за чье-нибудь здоровье или за упокой, однако и многоградусные напитки лишь несильно затормаживали и без того неторопливые мыслительные процессы внутри моей черепной коробки, не принося никакого удовольствия, но лишь создавая проблемы с мочеиспусканием...

А Валентин мог нанюхаться или наестся всякой всячины и после этого целый день быть возбужденным или веселым, удивленным или рассудительным – в зависимости от формулы употребляемых химических элементов.

На его беду и на радость гринписовцам, проверяемый нами поселочек не имел отравляющих окружающий мир веществ, а имел только экологически чистый продукт, то есть травку. Вдохнув, мой раздосадованный землячок довольствовался коноплей. Он скрутил в огромный косяк листок, вырванный из подрывной вахобитской книжонки, оказавшейся Кораном. Забил его туго. Хотел угостить друга, но я отказался. Закурил сам. Вдохнул сладкий дым. Отобрал у пробежавшего мимо пятилетнего мальчика любимую игрушку, гранату «Ф-1». Закинул её от греха в огород. Заржал, показывая шестипалой рукою на взлетевшие в воздух и разматывающиеся кровавым серпантинном чьи-то кишки. Затянулся еще разок. Задержал задымленное дыхание, затуманивая сознание... И тут...

Тут из того самого огорода к нам обратно по принципу волейбольного или теннисного мяча прилетела другая граната... Она взорвалась в голове взводного, который неосмотрительно снял каску.

Сразу после взрыва с разных сторон в нас начали стрелять, и мы стреляли тоже – в разные стороны. Вылезали изо всех щелей грозные лица кавказкой национальности. Мы целились в них, они метились в нас. Мы попадали в них, они дырявили нас. Рвались гранаты, свистели пули, и падали, падали погибающие бойцы...

Мне удалось найти хорошее укрытие, отличную огневую точку за каменной оградкой. Я не был даже ранен, но сидел среди трупов забрызганный чужой кровью и продолжал отдавать долги Родине и службе. Рядом вел свой последний и решительный бой мой земляк Валя Кришнов. Да, мы выросшие в городе химиков... то есть химикатов, часто показываем чудеса живучести за пределами родного края.

– На! – бросил мне флягу с водкой Валя. – Пей. Не так больно будет.

Наверное, он посчитал меня сильно израненным, но тогда я этого не понял.

Что ж, отпил. Перезарядил автомат. Использовал еще один рожок.

– Пей до дна! Пей до дна! – опять крикнул мой земляк и боевой товарищ. Он докуривал свой невероятный косяк и вел беспорядочный огонь из пулемета.

– Мне уже не понадобится... – добавил Валька и вскочил на ноги, изображая героя из американского боевика.

Моему удивленному взору предстало, как из чёрно-красных отверстий на его гимнастерке валил вдыхаемый им желтоватый дым.

– Ты ранен? – заботливо спросил я, осушив подаренную им флягу.

– Дышать трудно... – вместоответил он.

– Ты слишком много куришь.

– С сегодняшнего дня бросаю!

Тут на него набросились злые грозные люди с кинжалами. Его схватили, но мой друг не сдавался. Форма у него подмышками вдруг порвалась, и оттуда вылезли две маленькие, но сильные ручонки. Они вцепились в горло, оказавшегося ближе других, главаря нападавших (или обороняющих? – тут уж не разберешь). Остальные грозные бородачи кричали, резали и

кромсали на куски моего друга, но он всё же успел запасными конечностями задушить удивленного предводителя очень незаконного бандформирования.

Вооруженные обреки – террористы-сепаратисты, окружили трупы... почти расчлененный моего земляка Вали Кришнова и, задушенного им, грозного полевого-горца-командира. Они, уничтожившие почти полностью наше подразделение, а сами чудом оставшиеся в живых, тяжело дышали, опустив головы, напоминая уставшую стаю диких псов, только что растерзавших свою жертву, но и потерявших в той же сваре своего вожака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.